

Буря внезапно стихла. Адонис издал короткий, неопределенный звук, а затем замер.

Прошло десять, двадцать секунд, прежде чем он снова задышал. Дракон молчал долго, и Лэнс уже решил, что его просьба была безмолвно отвергнута, когда угасающий исполин тихо спросил:

— Неужели ты и впрямь мечтаешь о таком мире?

Лэнс задумался. Он не торопился с ответом, и дракон не гнал его, проявляя редкое терпение. Даже ветер, казалось, замедлил свой бег.

В окружающей их пустоте одна за другой стали вспыхивать глаза — разные по цвету, форме и выражению. В непроглядном мраке пробуждались те, кто доселе хранил молчание. Остроухий юноша, пригвожденный к стене, приоткрыл глаза, прозрачные и чистые, точно аметисты. Дева с рыбьим хвостом вскинула голову, и цепи на её шее отозвались жалобным звоном. Бородач с трудом приподнял изувеченное тело, широко распахивая веки.

Там были и другие существа — великое множество созданий, чьи предки когда-то бороздили небеса, сражаясь со штормами, или скользили в морских пучинах бок о бок с левиафанами. Они скакали по бескрайним равнинам, обгоняя ветер, и зывали к духам праотцов... Теперь же, затаившись в безжизненной тьме, они безмолвно взирали на человеческого мальчишку, ожидая ответа вместе с умирающим драконом.

— Я долго размышлял об этом, — медленно произнес Лэнс, взвешивая каждое слово. — И всё же я не нахожу причин любить этот мир.

Он сделал паузу, но не для того, чтобы дожидаться подтверждения, а чтобы вынести приговор:

— Разве это царство людей? Нет. Это тюрьма, сотворенная богами. И люди, и вы — все мы здесь заперты. Между нами нет разницы: мы лишь обреченно ждем своего конца.

Черноволосый юноша улыбнулся, и с его губ сорвались слова, за которые любого другого немедленно отправили бы на эшафот:

— Я считаю, что этому миру боги не нужны.

Он прикрыл глаза, и черты его лица разгладились, отражая видение будущего, столь желанного, сколь и далекого:

— Мир моей мечты — это мир, полный жизни и свободы. В нем не будет места делению на

расы, сословия или цвет кожи. В нем солнце станет светить всем одинаково, и каждое живое существо сможет само выбирать свое будущее.

Свобода — вот единственная цель, которую он преследовал. Когда он был Линь Уцзю, его клеткой стала психиатрическая лечебница. Позже он стал Лэнсом, но лишь для того, чтобы обнаружить: стены его темницы просто стали шире.

Но теперь в его душе забрезжила надежда. Кажется, он обрел силу, способную проложить путь к тому самому свободному миру. Чёрное перо — он не знал, что это такое, не заботился о том, было ли оно чьим-то коварным даром или благословением. Ему было всё равно, стоит ли за этим чья-то интрига и не лишится ли он в итоге жизни. Он просто хотел идти к свободе, и даже если ему удастся сделать лишь один шаг, он будет счастлив.

После недолгого молчания Адонис разразился хриплым хохотом, который то и дело прерывался сухим кашлем. Он давно не смеялся так легко и открыто. На миг показалось, что к нему вернулась юность — то время, когда он был властелином небес и верил, что в подлунном мире нет места, куда бы он не смог долететь.

— Ну что ж... кхе-кхе... слушай. Я расскажу тебе... свою историю, — прохрипел он. Смех лишил его последних крох сил, и голос дракона теперь звучал прерывисто. — Начнем... с событий пятивековой давности. Тогда... я был еще совсем молодым драконом...

Рассказ затянулся. Адонису приходилось несколько раз прерываться, чтобы перевести дух. К счастью, в мире снов время течет иначе, и пока в сознании Лэнса проносились столетия, в реальности минутная стрелка едва успела сдвинуться на несколько делений.

Когда дракон закончил, Лэнс задумчиво поднялся и указал в сторону колышущейся тьмы:

— Могу ли я завтра попросить их рассказать свои истории?

Он не видел лиц тех, кто прятался в тенях, но знал: они ловили каждое его слово. У них наверняка тоже были истории, достойные того, чтобы быть запечатленными на бумаге.

— Боюсь... что нет, — слабо отозвался Адонис. — Мои силы... на исходе.

Если бы не этот долгий рассказ, остатков его магии хватило бы еще на пару сновидений, но сейчас он чувствовал, что истощен окончательно.

— Мы... непременно встретимся... в чертогах свободы, — с непоколебимой уверенностью прошептал умирающий ящер.

— Это пророчество? — уточнил Лэнс.

— Да. — Золотой дракон с трудом вскинул голову. Его улыбка, скрытая мраком, осталась невидимой, но в ней сквозила гордость триумфатора, полководца, возвращающегося домой после великой победы. Собрав воедино последние крохи воли, он торжественно провозгласил: — Это последнее пророчество, которое изречет в своей земной жизни Адонис, Древний золотой дракон.

Драконы — провидцы от рождения. Их взор способен пронзить туман веков, не замечая уловок и иллюзий, чтобы узреть единственную истину. И каждое предсказание Адониса всегда сбывалось.

С тех пор как его заточили в эту дыру, превратив в неисчерпаемый источник ингредиентов для зелий, Адонис пребывал в состоянии мучительного полузабытья. Но позавчера его интуиция внезапно обострилась, явив ему первое за долгие годы пророчество. Несмотря на мощь святых реликвий и магические печати, сковывавшие его тело, он сумел затянуть этого человеческого мальчишку в свой сон.

О, Бог Драконов! Благодарю за твое милосердие!

Адонис истратил последние капли магии, и силуэт юноши растаял. Голова дракона с тяжелым стуком рухнула на землю.

Он судорожно хватал ртом воздух, слюна непроизвольно стекала по челюсти, а на теле вновь открылись старые раны. Едва горячая золотая кровь коснулась камней, магический круг под ним вспыхнул, мгновенно очищая всё: слюну, чешую, кровь. Адонис знал: скоро всё это окажется в тиглях какой-нибудь алхимической лаборатории.

Он лежал, обессиленный, прижавшись щекой к холодной, зловонной грязи, и сквозь кашель из его горла вырывался тихий, торжествующий смех. Это был смех существа, которое, несмотря на все унижения, всё же одержало свою маленькую победу.

В ладони человеческого мальчишки он увидел перо.

Чёрное перо.

Теперь понятно, как обычный смертный смог стать сыном пророчества. Оказывается... он избранник Самого.

Лэнс открыл глаза и сел на кровати. За окном на него безмолвно взирали три алые луны. На подоконник опустился ворон и принялся невозмутимо чистить перья.

— Полнолуние, — пробормотал юноша себе под нос.

— И в самом деле, — раздался за его спиной мелодичный, незнакомый девичий голос.

Лэнс вздрогнул и обернулся. Перед ним сидела маленькая рыжеволосая девочка. Она уютно устроилась на высоком стуле, перекинув через плечо длинную косу. На ней было скромное серое платье, а розовые туфельки забавно покачивались в воздухе. Девочка улыбалась — мило и совершенно очаровательно.

Взгляд Лэнса скользнул выше, к черным рожкам, венчавшим её голову.

— ...Джек?

— Доброй ночи, — девочка кокетливо приподняла край юбки и крутанулась на месте, озорно подмигнув. — Когда я в женском облике, меня зовут Дженни.

Дженни отвела взгляд от Лэнса и посмотрела на луны в окне.

— Обожаю полнолуние, — она подперла щеки ладонями, и её улыбка стала еще слаще. — В такие ночи женская энергия достигает своего пика, и только тогда я могу явиться миру.

Лэнс быстро оправился от удивления. В сущности, ничего сверхъестественного в этом не было. Джек — демон, рожденный из страданий и ненависти бесчисленных детей-рабов, а значит, он лишен пола по своей природе. То, что он меняет облик в зависимости от фаз луны, вполне соответствовало логике оккультного мира.

Хотя, надо признать, Дженни казалась куда более живой и общительной.

— И когда же ты снова станешь Джеком? — любопытствовал Лэнс, прикрыв рот рукой.

— В следующее новолуние, — ответила Дженни. — Впрочем, всё зависит от настроения. В прошлый раз, когда ты очнулся, тоже было полнолуние. Я должна была встретить тебя, но я была так зла... Джек побоялся, что я вырежу весь квартал, и вышел вместо меня.

Она склонила голову набок, и её змеиные зрачки вспыхнули странным светом.

— Мой Джек очень добр, не находишь?

Она явно сделала ударение на слове «мой».

— Пожалуй, — улыбнулся Лэнс. — Похоже, Дженни очень любит Джека.

Девочка рассмеялась еще звонче, и в её юном лице на мгновение проступило нечто пугающее

— истеричная, лихорадочная тревога, совершенно не соответствующая её возрасту.

— Разумеется, я люблю саму себя!

Вмиг посерьезнев, она уставилась на Лэнса в упор и спросила:

— Какую книгу ты собрался издать в нашем мире?

— Ну... это будет история об одном драконе, — ответил Лэнс.

Дженни прищурилась, в её глазах промелькнуло подозрение.

— Ты что-то скрываешь от меня, верно?

Не дожидаясь ответа, она холодно фыркнула:

— Впрочем, неважно. Правды от тебя всё равно не дождешься.

Она легко спрыгнула со стула, её юбка взметнулась, точно лепестки ночного цветка.

— Кстати говоря, в последнее время я чувствую в себе странные перемены, — она завела руки за спину и невинно улыбнулась. — Твоих рук дело?

Лэнс ответил ей такой же обезоруживающей улыбкой:

— Ну что ты. Я всего лишь обычный человек, откуда у меня такие способности?

Дженни многозначительно хмыкнула.

— А как насчет платы?

— Платы?

— Я тебе не этот дурачок Джек. Если хочешь, чтобы я помогла тебе с изданием книги, гони плату. Без этого и разговора не будет.

— И чего же ты хочешь?

— Твою душу.

— Отказываюсь.

— Тогда душу того дракона.

Лэнс на мгновение замер, а затем соскочил с кровати, охваченный внезапным воодушевлением:

— Душу дракона? Неужели в этом мире и вправду существуют драконы?!

Дженни онемела. Несколько секунд она пристально разглядывала юношу, пытаясь понять, не разыгрывает ли он её, но восторг на его лице казался совершенно искренним. Неужели она ошиблась в своих подозрениях?

Она высокомерно задрала подбородок, и её взгляд стал холодным и безучастным.

— Короче говоря, без души сделки не будет. Я тебе не Джек.

Лэнс мысленно забрал свои слова назад. Дженни вовсе не была милой. Джек куда приятнее.

Свою душу он продавать не собирался, а душу Адониса — и подавно. С тех пор как имя дракона появилось на его карте, инстинкт коллекционера запрещал ему даже думать о том, чтобы передать этот трофей кому-то другому.

— А что, если я выделю тебе роль в своем новом романе? — предпринял он пробную попытку.

Дженни мгновенно преобразилась и сладко улыбнулась:

— О, это совсем другое дело! Знаешь, я как-то раз здорово разыграла одного дракона... Хочешь послушать?

Лэнс вздохнул. Кажется, именно этого она и добивалась с самого начала. Дженни и Джек были совершенно разными. Две личности в одном теле?

Он невольно улыбнулся своим мыслям.

В этот момент в дверь его комнаты громко и требовательно постучали.

Лэнс открыл дверь и в ярком свете луны увидел своего ночного посетителя. Перед ним высилась настоящая гора плоти — сосед был вдвое шире Лэнса и на целую голову выше. Юноше пришлось задрать голову, чтобы встретиться взглядом с этим воплощением грубой физической силы. Уродливое багровое родимое пятно на правой щеке делало лицо пришельца

еще более отталкивающим.

Это был его сосед, Иоланда, по профессии — мясник.

— Здравствуй, Иоланда. Зачем пожаловал?

Иоланда скрестил руки на груди, и мощные мускулы на его предплечьях едва не разорвали рукава. В его глазах горел недобрый огонь.

— Плата за защиту!

— Но я ведь уже отдавал тебе деньги.

— То было за прошлую неделю! — грубо бросил Иоланда. — За эту неделю с тебя пять шиллингов!

Лэнс лишь пожал плечами. Он вернулся в комнату, достал из кошелька монеты и протянул их соседу. Иоланда бесцеремонно вырвал деньги из его рук и, прихрамывая, скрылся в коридоре.

— Какой уродливый мужик! — Дженни высунулась из-за его плеча и с недоумением посмотрела на Лэнса. — Ты всегда такой мягкотелый?

Неужели он так просто позволит грабить себя?

— Это не мужчина, — покачал головой Лэнс.

Дженни тут же разразилась едкими насмешками:

— Ну конечно! У тебя и впрямь маловато мужского достоинства, даже у такой девчонки, как я, гонору побольше будет.

Лэнс закрыл дверь и, бросив прохладный взгляд на демона, спокойно произнес:

— С чего ты взяла, что Иоланда — мужчина?

Дженни от изумления широко раскрыла рот.

Не мужчина? Значит, женщина? Эта туша — женщина?!

Лэнс тем временем улегся в постель и натянул одеяло, не обращая внимания на пребывающего в шоке демона.

— Доброй ночи.

«Спи, сокровище мое, доброй ночи», — нежно отозвался в его сознании голос матери.

<http://bllate.org/book/15857/1436516>